

М. А. Родионов

СТАЛИН КАК ЮМОРИСТ

Корнелий Зелинский вспоминает:

«Сталину нравилось сбивать фасон с Фадеева. <...>

— Ты понимаешь, Корнелий, — говорил мне Фадеев, — беда в том, что Сталин сам когда-то писал стихи. У него плохой художественный вкус, и по этому поводу с ним спорить невозможно. Например, Сталин сделал мне такое замечание о “Молодой гвардии”: “У вас, товарищ Фадеев, слишком длинные фразы. Народ вас не поймет. Вы учитесь писать, как мы пишем указы. Мы десять раз думаем над тем, как составить короткую фразу. А у вас по десять придаточных предложений в одной фразе”. Я попытался сослаться, что у Толстого тоже были фразы с придаточными предложениями. Но на это Сталин мне сказал, что мы еще для вас пантеон не построили, товарищ Фадеев, подождите, пока народ построит вам пантеон, тогда и собирайте туда все ваши придаточные предложения» (Зелинский 1989: 175).

Полученный из третьих рук текст довольно правдоподобен. Характерное для вождя топтание вокруг простой мысли. Отметим бедное созвучие «фразы — указы», умелый ход с десятки («Мы десять раз думаем... А у вас по десять придаточных...»), употребление «мы» вместо «я» и уподобление этого «мы» народу. Только хочется заменить глагол:

— Подождите, пока народ построит вам пантеон, тогда и *засуньте* туда все ваши придаточные предложения.

Слово Сталину:

«9 января 1905 года ранним утром рабочие пошли к Зимнему дворцу, где находился тогда царь. Рабочие шли к царю целыми семьями — с женами, детьми и стариками, несли царские портреты и церковные хоругви, пели молитвы, шли безоружные. Всего собралось на улицах свыше 140 тысяч человек.

Николай Второй встретил их недружелюбно. Он приказал стрелять в безоружных рабочих. Больше тысячи рабочих было в этот день убито царскими войсками, более 2 тысяч ранено. Улицы Петербурга были залиты кровью рабочих» (История... 1941: 55).

На этот раз созвучья нет, но есть рефрен. В семи предложениях пять раз повторено «рабочие», «рабочих». Неважно, что Николай II был в этот день в Царском Селе и никак не встретил рабочих. Важно, что Сталин точно определяет, что такое *недружелюбие* властей: больше тысячи убитых, более двух тысяч раненых и кровь безоружных на улицах. Если меньше, значит, власти дружелюбны. Спрашивается: сколько трупов нужно властям для выражения гнева?

Еще одно «стихотворение в прозе» из «Краткого курса». Теперь не 1905-й, а 1937-й:

«1937-й год вскрыл новые данные об извергах из бухаринско-троцкистской банды. <...>

Эти белогвардейские пигмеи, силу которых можно было бы приравнять всего лишь к силе ничтожной козявки, видимо, считали себя — для потехи — хозяевами страны и воображали, что они в самом деле могут раздавать и продавать на сторону Украину, Белоруссию, Приморье.

Эти белогвардейские козявки забыли, что хозяином Советской страны является Советский народ, а господа рыковы, бухарины, зиновьевы, каменевы являются всего лишь — временно состоящими на службе у государства, которое в любую минуту может выкинуть их из своих канцелярий, как ненужный хлам.

Эти ничтожные лакеи фашистов забыли, что стоит Советскому народу шевельнуть пальцем, чтобы от них не осталось и следа.

Советский суд приговорил бухаринско-троцкистских извергов к расстрелу.

НКВД привел приговор в исполнение.

Советский народ одобрил разгром бухаринско-троцкистской банды и перешел к очередным делам.

Очередные же дела состояли в том, чтобы подготовиться к выборам в Верховный Совет СССР и провести их организованно» (Там же: 331–332).

Начав цитировать, трудно остановиться. Дальше речь идет о демократизации избирательной системы и периоды ритмически вводятся с помощью зачинов:

«если до (введения новой Конституции существовали ограничения)... то (новая Конституция отбрасывает всякие ограничения)»;

«если раньше (выборы депутатов являлись неравными)... то теперь (необходимость ограничения отпала)»;

«если раньше (выборы были многостепенными), то теперь...»;

«если раньше (выборы производились открытым голосованием и по спискам), то теперь...» и т. д.

Впрочем, от этого красноречия клонит в сон. Чтобы придать ему видимость жизни, нужен бас-декламатор вроде Левитана, читавшего указы нараспев. Я же хотел восхититься предыдущим отрывком. Смотрите, как плавно *изверги* снижаются до *белогвардейских пигмеев*, как непринужденное сравнение их силы с силой *ничтожной козявки* превращает хозяев страны в *белогвардейских козявок*, в *хлам*, в *ничтожных лакеев фашистов* и — круг замыкается — снова в *извергов*. Как смело пользуется Сталин неуместным горьковским тире. Чего стоит *палец* советского народа (а мы с вами уже знаем, чей это палец на самом деле) и как от этого пальца лакей, которому погрозили, оборачивается козявкой, которую раздавили... И перешли к очередным делам: выборам в Верховный Совет.

Еще там встречаются прелестные «право-левацкие уроды» на странице 313: сиамские близнецы, клонящие Партию, как Пизанскую башню, в обе стороны разом, отчего ей пришлось на 265-й странице разгромить и отсечь от себя и левый и правый уклоны. «На вопрос о том, какой уклон хуже, тов. Сталин отвечал: «Оба они хуже...»» (Там же: 264).

Вы спросите: «Откуда этот выбор цитат? Разве можно верить пугливому Зелинскому, ссылающемуся на разгоряченного Фадеева? Разве «Краткий курс» сплошь написан Сталиным? Разве нельзя взять что-нибудь такое из его неоконченного тринадцатитомника?»

Отвечаю. Сталин пристально следил за своими текстами. Поэтому неистребленные проблески стиля легче ловить в пересказах пересказов и в анонимных текстах, коих не смела коснуться уравнивающая рука постороннего редактора.

Подозреваю, что Иосиф Виссарионович ценил не тех, кто твердил его фразы назубок, и даже не тех, кто разъяснял их смысл, развивал и применял к делу, — таких всегда хватало. Думаю, он, инородец-самоучка, ждал, что некто проникнет в его лабораторию стилиста, исполнится его гулом, ощутит восторг от его вязких переходов. Сквозь канцелярские повторы и кружения прозреет его версификаторский жар. Оприходует его параллелизмы, восходящие к поэзии шумеров, размеренной прозе вавилонян, военным отчетам ассирийцев. И наконец, прельстится сталинскими знаками препинания — запятыми, тире.

При жизни он этого не дождался и был разочарован. Отсюда его *недружелюбие* к литераторам, которых он, как мог, старался ценить. Ведь не советского эпоса в стихах и прозе ждал он от них (это само собой), а безоговорочного признания, что Он и есть лучший из писателей всех времен, словом своим создавший новый мир и новую народную речь, что слово — у Него, что Он и есть Слово... Как ясно намекнул он им на это, развернув дискуссию по языкознанию. Не поняли, глухие души! Вот и приходилось ему, непонятому, играть судьбами людей, как вселенскому кукловоду из Омара Хайяма.

И не детская страшилка *Тараканьи топорицыт усища, // и сияют его [и-го-го] голенища* заслуживает Чардыни, Воронежа и гибели в Сво-

бодной Гавани, а рифмованные строки партийного Брюсова, написанные загодя, еще до большевистского переворота. Брюсов переложил ассирийскую военную надпись, высеченную на скале у Собачьей реки, близ Бейрута, в седьмом веке до Рождества Христова. Вот где Сталин от первого лица:

Я — вождь земных царей и царь, Ассаргадон.
Владыки и вожди, вам говорю я: горе!
Едва я принял власть, на нас восстал Сидон.
Сидон я ниспроверг и камни бросил в море.
Египту речь моя звучала, как закон,
Элам читал судьбу в моем едином взоре,
Я на костях врагов воздвиг свой мощный трон.
Владыки и вожди, вам говорю я: горе!

Кто превзойдет меня? кто будет равен мне?
Деянья всех людей — как тень в безумном сне,
Мечта о подвигах — как детская забава.
Я исчерпал до дна тебя, земная слава!
И вот стою один, величьем упоен,
Я, вождь земных царей и царь — Ассаргадон.

А может, и не казнил бы стилизатора, а пожаловал, исправив «я» на «мы» и вычеркнув «земных» как прилагательное к царям?

Что-то занесло нас от юмора в стихотворство. Как говорил Джугашвили: «Пойдешь направо — придешь налево. Есть у народа такая пословица».

Что же касается сталинского юмора, то, оказывается, нам с вами он малодоступен. Нам то скучно, то страшно, то противно. И только нечеловеку ясно, что этот юмор — во всем, к чему бы Сталин ни прикасался.

Литература

Зелинский 1989: *Зелинский К.* В июне 1954 года // Вопросы литературы. 1989. № 6. С. 150–185.

История... 1941: *История* Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс / Под ред. комиссии ЦК ВКП(б). Одобрен ЦК ВКП(б). 1938 год. М.: Госполитиздат, 1941.